

М.А. Безнин

д.и.н., Вологодский государственный университет, Вологда

Т.М. Димони

д.и.н., Вологодский государственный университет, Вологда

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСКАПИТАЛИЗМА: ОТ СТАЛИНА ДО БРЕЖНЕВА¹

Аннотация. В статье с точки зрения институционального подхода рассмотрена эволюция институтов собственности, товарности, классов и др. в России 1930–1980-х гг. В отношении института собственности в статье предпринято описание его функционирования в рамках разделенного права собственности, оформившегося в советский период. Институт товарности рассмотрен с позиции его работы в рамках вынужденной товаризации продукта, особенно в сельской экономике. Классовая структура общества в советский период, как полагают авторы, эволюционировала в сторону классового плюрализма и дифференциации классовых интересов. Основной источниковой базой для рассмотрения трансформации институтов общества стали законодательные акты, статистическая информация, в частности, межотраслевые балансы. Делаются выводы о глубокой революционной трансформации экономических и социальных институтов России, произошедшей на рубеже 1950–1960-х гг. Суть этой трансформации характеризуется как становление государственно-капиталистической системы, с присущими ей чертами превалирования капитала среди факторов производства, формированием новой классовой системы общества. Авторы статьи оставляют открытыми вопросы о завершенности трансформации крупных институтов общества в советскую эпоху, оставляя возможность развертывания дискуссии по описанным сюжетам.

Ключевые слова: *Россия, советский период, социальные и экономические институты, отношения собственности, государственный капитализм.*

JEL: N01, N14, N50.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10209

В начале статьи стоит несколько слов сказать о трактовке дефиниции «институт» и об институциональном подходе в целом, так как мнения о них у представителей общественных наук серьезно разнятся. Институциональный подход является довольно распространенным в экономике, социологии, государственно-правовых науках, однако историки несколько размыто дают характеристику того, что является институтами общества.

Скажем несколько слов о дефиниции «социальные институты», широко применяемой современной социологией. Как правило, социологи используют этот термин для обозначения сложных социальных форм, которые воспроизводят себя, таких как правительство, семьи, человеческие языки, университеты, больницы, бизнес-корпорации и правовые системы. Одно из наиболее принятых на сегодняшний день разъяснений предложил Д. Тернер, определив, что *социальные институты это* «комплекс статусов, ролей, норм и ценностей, выраженных в конкретных видах социальных структур и организаций, отно-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00184 «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги».

нительно стабильные стандарты деятельности человека по отношению к фундаментальным проблемам производства жизненных ресурсов для поддержания жизни, воспроизводства человека и поддержания жизненно важных социальных структур в пределах данной окружающей среды» [Turner, 1997. С. 6].

Историки довольно поздно начали использовать в своих исследованиях институциональный подход – во второй половине XX в. Они используют институциональный подход как метод анализа динамики социальных, политических, экономических изменений общества на длительных промежутках исторического времени. Как писал один из основоположников применения институциональной теории в истории Ч. Тилли, этот подход применим для изучения «больших структур, крупных процессов и грандиозных сравнений» [Tilly, 1984].

В современной исторической науке крен в изучении институтов перемещается от изучения формальных институтов к неформальным, особенно связанных с историей идей и сферы обычного права (новый институционализм). Зарубежные и российские историки, по сути, отрицают существование государства и политической элиты как единственного источника права и считают агентами институциональных изменений также различные социальные группы и устоявшиеся особенности их поведения. У истоков нового институционализма стояли исследователи С. Хантингтон [Huntington, 1968], Б. Мур [Moore, 1966], Т. Скочпол [Skocpol, 1979]. Теде Скочпол принадлежит одно из самых популярных среди зарубежных исследователей определений «революции»: «Социальные революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу» [Скочпол, 2017. С. 26]. Представители институционального подхода в истории видят богатство и многообразие исторических изменений, происходящих как через посредство революций, так и экономических реформ. При этом они обращают внимание на то, что действующие лица истории (акторы) и производное и движущая сила исторического процесса. Исторический процесс для историков институционального направления не линеен, историческая траектория для них – результат действия многообразных сил и конструкций.

Одним из основных понятий, которыми оперируют исторические институционалисты, является «путь зависимости» (т.е. зависимость от предшествующего пути развития). Т. Скочпол и П. Пирсон пишут, что «зависимость от прошлого пути» не имеет пока четкого определения, в целом же в данном контексте можно говорить о том, что результаты развития в критический момент запускают механизмы обратной связи (как положительные, так и отрицательные), которые усиливают повторение определенных процессов в будущем [Pierson, Skocpol, 2002. С. 693–721]. В определенный момент акторы истории, решившись на движение по какому-либо пути, лишают себя возможности альтернатив, которые оказываются безвозвратно потерянными.

Таким образом, институциональный подход – относительно новое направление в методологии исторической науки. Как любое динамично развивающееся научное течение, он позволяет достичь новых результатов в изучении процессов, особенно крупных и длительных, найти новый ракурс в изучении знакомых сюжетов, затронуть новые пласты всего спектра исторических событий.

В данной статье авторы обращаются к анализу некоторых важнейших институтов советского общества конца 1920–1980-х гг. – собственности, социальным классам, характеристике типа социально-экономического устройства России от сталинского до брежневского времени.

С точки зрения институционализма один из важнейших общественных институтов – институт собственности. В отношении советского общества он исследовался непропорционально мало. В советский период собственность по умолчанию считалась «общенарод-

ной» или «личной» (согласно формулировкам Конституции СССР 1936 г.), в постсоветский период об институтах советского времени также, к сожалению, принято говорить устоявшимися в советское время штампами. Что касается изучения проблем права собственности в советский период – можно с уверенностью сказать, что эта тема не привлекала внимания исследователей. Новым подходом могло бы отличаться исследование А.В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» [Венедиктов, 1948], где он начал разговор о действии механизма разделенного права собственности, однако в отношении советского общества автор не дал развернутых характеристик.

Институт собственности в советской России обладал серьезной спецификой, обусловленной складыванием в 1930-е гг. особого типа социально-экономического устройства – государственного капитализма. По нашему мнению, капитализм – это такое устройство социально-экономической жизни общества, при котором капитал (прошлый труд²) становится главным фактором производства по отношению к живому труду³, а основная социальная градация общества предопределяется местом групп населения в отношении реализации права собственности на средства производства. Государственный капитализм, являясь разновидностью капиталистической системы, характеризуется отсутствием локализации полного права собственности на средства производства в руках отдельных индивидов, разделенностью этого права между социальными классами, с сосредоточением основных прав владения, распоряжения и пользования у высшего класса – по сути протобуржуазии. При этом вторичные признаки госкапиталистического устройства (механизмы товаризации, прогнозно-плановые рычаги, методы балансировки) могут серьезно отличаться от классического индивидуализированного капитализма [Безнин, Димони, 2016. С. 301–337].

Важнейшая особенность российского советского госкапитализма, по нашему мнению, состояла в действии системы разделенного права собственности. Уникальность этой системы позволила сформировать специфичную, присущую только России, когорту управленцев, «разделивших» между «отрядами» политиков, хозяйственников, финансистов, плановиков и др. права со-собственников, прежде всего, в отношении производственного капитала (по советской терминологии – основные фонды производства). Это, в свою очередь, привело к исторической ситуации, когда «разделенное» управление собственностью не давало полностью консолидировать высший класс и окончательно оформить его. История возвышения правящей элиты в СССР привлекала исследователей еще с 1930-х гг. В 1936 г. Л.Д. Троцкий обвинил партийных управленцев в буржуазном перерождении [Троцкий, 1991], эту линию продолжили исследования А.Г. Авторханова [Авторханов, 1976], М. Джиласа [Джилас, 1958], М.С. Восленского [Восленский 2005] и др. Следует отметить также оригинальное предположение К. Виттфогеля об ирригационном (гидравлическом, менеджериальном) обществе в СССР, основанном на высокой роли бюрократии в государстве с трудными климатическими условиями ведения сельского хозяйства [Wittfogel, 1957].

Особенности «разделенности» прав собственности прослеживаются и в действиях реального законодательства и обычного права. Рассмотрим на этот предмет, например, право земельной собственности в СССР. В основе сложившихся в СССР после 1917 г. земельных отношений лежали законодательные акты об отмене частной собственности на землю и ее национализации. Вся земля вместе с ее недрами, лесами и водами стала государственной собственностью («всемирным достоянием»). К середине 1930-х гг. сложились

² Под «капиталом» (прошлым, или овеществленным трудом) здесь и далее мы понимаем ресурсы, используемые в производстве и воплощенные в ранее созданных средствах производства и предметах труда.

³ Под «живым трудом» мы понимаем непосредственные трудовые усилия, связанные с обеспечением функционирования овеществленного труда (капитала).

основные формы советского землепользования. Одна часть земли использовалась государством непосредственно через государственные организации, учреждения и предприятия (совхозы, фабрики, заводы и т.д.). Другая значительная часть была передана в пользование колхозов (сельхозартелей). Земля закреплялась за сельхозартелями в бессрочное и бесплатное пользование, а колхозный двор мог иметь в личном пользовании приусадебный участок земли в размерах, установленных Примерным Уставом сельхозартели 1935 г. Таким образом, государство предоставляло землю в пользование колхозам (по сути дела – в долгосрочную аренду), а те в свою очередь – колхозным дворам (в субаренду). Следовательно, земля становилась объектом неоднократно накладывающихся друг на друга прав собственности, влекущих соответствующие «тягловые» обязанности землепользователей. Арендная плата за пользование земельной собственностью с колхозов и колхозных дворов взималась государством в натуральной и денежной формах. К натуральной форме относились обязательные поставки государству сельхозпродуктов, платежи натурой МТС (из доли валового продукта); к денежной – сельхозналог. Колхозный двор нес обязательства перед колхозом, главным из которых было выполнение отработочной повинности в общественном хозяйстве сельхозартели с выработкой обязательного минимума трудодней [Безнин, Димони, 2002. С. 96–111]. Зависимость между размерами приусадебного участка и активностью участия в колхозных работах неоднократно подтверждалась крупными законодательными актами (1939 г., 1946 г., 1956 г.) [Решения партии..., 1967. Т. 2. С. 707–713; 1968. Т. 3. С. 336–340; 1968. Т. 4. С. 290–297].

Другой характерной чертой отношений собственности на землю периода 1930–1950-х гг. была уникальность соединения земли и сельскохозяйственного капитала. До 1958 г. была запрещена продажа крупной сельхозтехники колхозам, она оставалась во владении государства. Таким образом, система отношений в части собственности на землю 1930–1950-х гг. позволяет говорить о наличии «разделенной» земельной собственности, когда право владения землей и основными средствами производства оставалось у государства, но часть полномочий собственника – распоряжение и пользование – передавалась основному землепользователю – колхозу и, частично, приусадебным землепользователям.

Описанный тип поземельных отношений определял существование особой формы политической власти, опирающейся на систему «внеэкономического» и, в гораздо меньшей мере, экономического принуждения. «Разделенное» право собственности давало возможность властвовать над личностью: этой цели служила паспортная система 1932 г., «прикреплявшая» крестьянина к земле, многочисленные акты, распоряжавшиеся работником на земле (через систему оргнабора, переселений, привлечения к различным неземледельческим повинностям и т.д.). Часть функций властвования передавалась в низовые органы. Так, по Уставу сельхозартели 1935 г. правление колхоза обладало правом наложения взысканий на колхозника и т.д. [Решения партии..., 1967. Т. 2. С. 528].

Эволюция права собственности на землю претерпела серьезные изменения во второй половине 1960-х – 1980-е гг. На данном этапе система отношений собственности становится более «свободной», землепользователи освобождаются от тягловых обязательств. С 1958 г. были отменены обязательные государственные поставки сельхозпродуктов колхозами, колхозными дворами, хозяйствами рабочих и служащих, а также натуроплата колхозов за работы МТС [Решения партии..., 1968. Т. 4. С. 349, 428]. Продажа сельхозтехники колхозам после 1958 г. означала новую форму «соединения» основных средств производства с землей, был сделан революционный шаг к консолидации «разделенных» прав собственности. Это повлекло за собой частичный переход титулов права земельной собственности к первичным землепользователям. Менялась иерархическая структура поземельных отношений, они становились более однородными. Две основные формы землепользования – колхозная и совхозная – быстро сближались. Происходило устране-

ние связанности оборота земель – государственное законодательство с 1954 г. разрешало обмен земельными участками между колхозами, совхозами, другими землепользователями [Сборник законодательных..., 1962. С. 44]. Таким образом, к концу 1960-х гг. неформально и формально нарушалась монополия государственной земельной собственности. Многие вопросы хозяйственной деятельности решались руководителями колхозов, госпредприятий и совхозов, что означало сосредоточение в их руках основных функций собственника – владения и распоряжения средствами производства хозяйства (частично это распространялось и на землю). В обществе шло становление нового класса (протобуржуазии), заинтересованного в легальном и полном осуществлении прав собственности на землю. Эволюция отношений собственности на землю привела к тому, что с конца 1980-х гг. произошла правовая легализация нового земельного строя, связанного с рыночным характером поземельных отношений. В 1990 г. в законодательство о земле был введен новый титул – пожизненное наследуемое владение, а также право аренды земли. В 1993 г. указом Президента РФ о регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы было установлено, что земельные фонды сельхозпредприятий должны быть разделены на индивидуальные пай, внутри коллективов был разрешен оборот земли. Еще более выражены эти процессы были в отношении земель личного подсобного хозяйства (ЛПХ), которые с 1992 г. передавались в собственность со всеми полномочиями, включая право продажи, аренды и залога.

Основную роль в формировании новых социально-экономических институтов и изменениях в их содержании играл новый советский класс протобуржуазии – носитель прав собственности. Класс протобуржуазии, который осуществлял функции разделенного права собственности, включал тех, кто реализовывал основные права собственника, а именно владения, распоряжения и пользования капиталом. В частности, это руководители предприятий (промышленных и сельскохозяйственных), руководители структур планирования, администрирования и финансирования экономики, политическое и хозяйственное руководство в центре и на местах. Как уже говорилось выше, система разделенного права собственности не давала возможности высшему классу СССР трансформироваться в полного собственника, т.е. сдерживала его на позициях протокласса (отсюда и применяемый нами термин – протобуржуазия). По мнению академика В.М. Полтеровича, рассмотревшего эволюцию права собственности в советском обществе, «в известной триаде, определяющей право собственности как право владеть, распоряжаться и пользоваться, первый элемент был наиболее консервативным. Государство реализовывало его в полной мере вплоть до 1988 г., назначая и сменяя высших руководителей предприятий. Права распоряжаться и пользоваться частично делегировались, причем соответствующие механизмы заметно эволюционировали» [Полтерович, 1993. С. 533–547].

Стратегия управления собственностью сосредотачивалась, прежде всего, в центральных и региональных комитетах ВКП(б) – КПСС. Внешне это выражалось в определении направленности экономического развития страны в долгосрочном и краткосрочном (пятилетнем) форматах, рассмотрении конкретных вопросов развития отраслей народного хозяйства, обсуждении контрольных показателей развития и др.

«Отряд» протобуржуазии, непосредственно отвечавший за управление экономикой, концентрировался в правительстве страны и региональных исполкомах. К ведению правительственной верхушки (сосредоточена в СНК СССР – председатель, наркомы, затем – в Совете Министров – председатель, министры) в хозяйственном плане относилось непосредственное осуществление народно-хозяйственного плана и формирование государственного бюджета. Деятельность правительства была организована по отраслевому признаку, совнаркомы (позднее – министерства, краткий период времени – совнархозы) руководили не только отраслью, но и предприятиями, объединениями, учреждениями и организациями.

Через институт планирования реализовывала свою часть права собственности протобуржуазия Госплана. Госплан являлся центральным органом управления в области планирования, был построен в основном по отраслевому признаку, его задачи состояли в подготовке, согласно решениям съездов КПСС и постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР, планов хозяйственного развития и контроле за их выполнением. Госплан работал в тесной сопряженности с министерствами, комитетами и ведомствами.

Финансовая часть функций со-собственника, связанная с реализацией разделенных прав собственности, была отдана Госбанку. Протобуржуазия Госбанка управляла налично-денежным оборотом, Госбанк проводил безналичные расчеты, осуществлял краткосрочное кредитование всех основных отраслей народного хозяйства и долгосрочное кредитование сельского хозяйства, на него было возложено кассовое исполнение государственного бюджета. В процессе реализации возложенных на него функций Госбанк СССР осуществлял общегосударственный контроль за выполнением предприятиями и организациями установленных для них планов производства и реализации продукции и за соблюдением финансовой дисциплины.

Внизу пирамиды протобуржуазного класса со-собственников были непосредственные руководители предприятий и организаций. В 1930 – начале 1960-х гг. объем их прав был относительно невелик, особенно на государственных предприятиях, где была особенно сильной регламентация деятельности. Парадоксально, но председатели колхозов, находясь в самом низу пирамиды со-собственников, обладали нередко большим объемом прав в реализации отношений собственности. Они избирались общим собранием артели и по Примерному уставу сельхозартели 1935 г. обладали довольно большими полномочиями по распоряжению колхозным имуществом: заключали договоры на продажу или приобретение имущества, подписывали платежные чеки и поручения, накладные на выдачу колхозной продукции, выдавали колхозникам денежные суммы под отчет и т. д. [740 вопросов..., 1961. С. 84] Объем прав председателей в отношении колхозной собственности резко возрос после укрупнения колхозов, проводившегося с конца 1940-х гг., а особенно в связи с реорганизацией машинно-тракторных станций. Председатель колхоза получал право постановки вопроса о приобретении в ремонтно-технических станциях основных орудий производства [Закон Верховного Совета..., 1968. Т. 4. С. 392–398], возрастала его роль в распоряжении серьезно увеличившимися колхозными капиталами.

Протобуржуазные тенденции были характерны не только для высшего класса – протобуржуазии, но и для других классов советского общества [Безнин, Димони, 2011. С. 90–102]. По нашему мнению, в российском социуме 1930–1980-х гг. сложились, как минимум, пять основных социальных классов, по-разному участвующих в реализации права собственности. Основным помощником протобуржуазии, «рычагом» в осуществлении социально-экономического переустройства общества был довольно многочисленный социальный класс *менеджеров*. Если протобуржуазия была больше других категорий населения связана с реализацией полного права собственности, постепенно овладевала капиталами народного хозяйства, то менеджеры осваивали собственность через непосредственное распоряжение и управление ресурсно-товарными потоками (трудовыми ресурсами, финансовыми средствами, производственными капиталами и др.). Третий крупный социальный класс – *интеллектуалы* – переносили в стоимость продукта интеллектуальный капитал (прежде всего, специальные знания о производственном процессе и его технологиях), собственниками которого они являлись⁴. Социальный статус класса *рабочей аристократии* строился на овладении техникой – главным материальным фак-

⁴ Данное рассуждение строится на теории интеллектуального капитала, разработанной в 1970–1980-е гг. П. Друкером и др.

тором капитализировавшейся экономики. Место рабочей аристократии в отношении собственности базировалось на реализации ими потенциала прошлого труда (капитала). Пятый социальный класс – *пролетариат* – был классом, наиболее отдаленным от участия в реализации прав собственности, его труд в наибольшей степени эксплуатировался. Место пролетариата в капитализированной экономике было связано с переносом в стоимость продукта потенциала живого труда (данный класс затрачивал в наибольшей степени физические усилия в производстве продукции).

Одним из важнейших составляющих классовой динамики было отстаивание места в праве реализации отношений собственности. В числе достаточно обсуждаемых тем современной российской историографии находится проблема так называемых «злоупотреблений» собственностью. В число этих явлений включается многообразный спектр действий: кражи продуктов, так называемые «разбазаривания», «растаскивания» имущества, «самоснабжение», использование техники, другого имущества, земли для личных нужд и т.д. Однако исследователи практически не задаются вопросом о природе этих действий, их глубинных причинах, связанных, по нашему мнению, с глобальными изменениями экономического строя России – проникновением государственного капитализма в советские общественные и экономические институты. Тот факт, что данные явления были довольно привычными в советской повседневности, говорит о системной встроенности «внезаконной» реализации права собственности. «Внезаконная» реализация права собственности рассматривалась «высшими» и «средними» классами как своеобразная плата за должность. «Низшие» классы – рабочая аристократия и пролетариат – явочным порядком осуществляли свои собственнические права, что чаще всего расценивалось государством как «воровство».

Совокупность эволюции экономических и социальных институтов привела к формированию нового типа социально-экономического устройства советского общества – государственно-капиталистическому. Гранью перехода к этому новому типу стали конец 1920-х – начало 1930-х гг. Суть данной революции состояла в переходе от аграрного общества к обществу капитализированному. Аграрное общество в России, как и в других странах, характеризовалось подавляющей ролью в экономике сельскохозяйственного производства, существованием крестьянства как основной массы населения, доминированием натурального крестьянского хозяйства как главной производственной и потребительской единицы. Государственный капитализм в экономическом смысле для нас – денатурализация и, соответственно, капитализация средств производства, господство крупных форм товарного производства, превалирование капитала (прошлого труда) над живым трудом в структуре издержек производства.

Политическая элита России в первые десятилетия XX в. представляла два пути перехода к капиталистической стадии. Идея строительства в России классического индивидуализированного капитализма потерпела фиаско в связи с поражением представлявших ее сил между февралем и октябрем 1917 г. Советская власть и ее лидеры провозгласили строительство социализма. Однако, «бухаринский» путь (как и ранее «столыпинская» альтернатива) не могли радикально решить проблему решающей стадии первоначального накопления.

И.В. Сталин осуществил государственно-капиталистическое строительство в СССР. В первую очередь был нанесен удар по устоям аграрного общества – мелким крестьянским хозяйствам, натуральности жизни и др. Этот процесс известен в историографии под названием «коллективизация». По сути дела в 1930-е гг. произошел форсированный рывок в процессах первоначального накопления капитала. Социально-экономические революционные перемены в России заняли долгий промежуток времени. Государственно-капиталистическое переустройство России прошло через два крупных этапа. Первый этап охватывал 1930–1950-е гг. Это был период реставрации отношений, напомилавших те, которые в советской историографии назывались феодализмом, возврата системы

повинностей в деревне. Основной упор госкапиталистических изменений в этом периоде делался на сельскохозяйственную составляющую. Второй этап госкапиталистического переустройства охватывал 1960–1980-е гг. Это был период сформированного строительства госкапитализма в России. Произошло отмирание полномасштабной системы внеэкономической эксплуатации: в конце 1950 – первой половине 1960-х гг. ушла в прошлое система крестьянских повинностей, сформировалась система экономического принуждения к труду.

Самое крупное изменение в экономическом устройстве России советского периода было связано с переменами соотношения факторов производства. Как известно, среди основных факторов производства выделяют труд, землю и капитал. От того, какой фактор играет доминирующую роль, во многом зависит тип хозяйства и общества в целом. В потребляющем хозяйстве основным фактором производства была земля. В аграрном обществе среди факторов производства на первое место выходит живой труд. Когда же в России среди факторов производства начал доминировать капитал? Ответ на этот вопрос важен и потому, что соотношение между затратами живого и овеществленного труда является важнейшим из экономических параметров. Кроме того, он тонко отражает сложный процесс взаимодействия социальных, экономических, технологических и прочих моментов.

Абстрактную количественную оценку роли факторов труда и капитала в производстве продукции позволяет дать экономический показатель себестоимости. В советской экономической школе себестоимость и рассчитывалась на основании исчисленных затрат живого труда и капитала на производство продукции. Конечно, большой особенностью этого расчета была «нерыночность» складывания цены на труд и капитал. Более того, в колхозной системе до 1965 г. заработная плата отсутствовала (была оплата трудоднями). Тем не менее существуют расчеты, которые позволяют выявить динамику соотношения факторов живого труда и капитала (прошлого труда) в производстве продукции.

Индустриальная промышленность практически сразу сформировалась как капитализированное производство. По представленным ЦСУ СССР данным о себестоимости промышленной продукции, прошлый труд (капитал) в затратах на производство продукции промышленности составлял в 1960 г. 77,5%, заработная плата – 19,3%, прочие затраты – 3,2%, в 1968 г. – соответственно 80,3, 16,6, 3,1% [Себестоимость промышленной..., 1970. С. 25].

Показатель себестоимости впервые был введен в колхозную отчетность в середине 1960-х гг. Однако история исчисления себестоимости имела более давние традиции. Например, этот показатель использовал выдающийся историк-аграрник В.П. Данилов. По его расчетам, в 1925 г. в крестьянском хозяйстве удельный вес капитала в себестоимости зерна и картофеля составлял около 40%, льна – 25% [Данилов, 1977. С. 265, 266]. По нашим расчетам соотношение затрат капитала (материальных издержек) и затрат живого труда в структуре себестоимости продукции колхозов в конце 1950-х гг. составляло 55 к 45% в пользу живого труда, что говорит о генетической близости экономики колхозов этого времени по данному показателю к структуре элементов производительных сил, характерных для аграрного общества. Преодоление 50%-ой грани, когда капитал становится ведущим фактором производства колхозов, относится к началу 1960-х гг. Произведенные экономистами тех лет подсчеты показывают, что овеществленный в капитале труд составлял в колхозах РСФСР в 1964 г. 52% себестоимости сельхозпродукции, в 1965 г. – 57% [Хозрасчет..., 1969. С. 256; Сельское ..., 1971. С. 506]. Сравнивая эти данные с показателями 1970–1980-х гг., мы видим коренное изменение соотношения удельного веса капитала и живого труда в себестоимости сельхозпродукции. По расчетам статуправления СССР в РСФСР в 1970 г. капитал составлял около 70%, в 1980 г. – около 80% в структуре себестоимости сельхозпродукции колхозов, а в совхозном производстве в 1980 г. приближался к 90% [Уровень..., 1975. С. 10, 26, 42; Уровень..., 1983. С. 8–9].

Продолжить рассуждения о соотношении факторов производства позволяет целый ряд малоиспользуемых историками источников по советской экономике, хранившихся в спецхранах. Речь идет, в частности, о балансах народного хозяйства, а также о межотраслевых народнохозяйственных балансах [Безнин, Димони, 2016. С. 6–11].

Истоки метода межотраслевых балансов восходили к работам советских экономистов и статистиков 1920-х гг. Теоретические основы межотраслевого баланса были разработаны В.В. Леонтьевым в Берлине [Леонтьев, 1925]. Впервые межотраслевой баланс был разработан в СССР в 1959 г., с 1960-х гг. межотраслевые балансы создавались уже с определенной периодичностью.

Одной из составных частей межотраслевых балансов был межотраслевой баланс затрат труда, представлявший собой экономическую таблицу, в которой процесс производства продукции (услуг) и взаимосвязи между отраслями были выражены в затратах труда. Данные межотраслевого баланса затрат труда позволяли определить общие размеры затрат живого и овеществленного труда на производство отдельных продуктов (услуг), установить соотношения этих затрат по каждой отрасли в отдельности. Показатели затрат овеществленного труда по каждой отрасли определялись на основе данных о затратах живого труда отрасли, распределяемых пропорционально использованию продукции данной отрасли в других отраслях. Каждая строка межотраслевого баланса затрат труда показывала, как распределяются затраты живого труда на производство продукции данной отрасли между всеми отраслями, потребляющими ее продукцию, а также на конечное потребление и валовое капиталообразование. Если рассматривать данные баланса по вертикали, то эти же затраты труда выступали уже как затраты прошлого труда, овеществленного в продукции, используемой отдельными отраслями в промежуточном потреблении. Кроме того, по вертикали в каждой колонке были показаны затраты живого труда. В итоге по каждой группе отраслей получалась сумма затрат живого и овеществленного труда на производство продукции по каждой отрасли (совокупные затраты труда). Основным источником информации для составления межотраслевого баланса затрат труда являлись данные межотраслевого баланса и данные статистики труда [Баланс..., 1997].

Важные стороны завершенности капитализации в СССР в конце существования «социалистического» типа хозяйства позволяют выявить данные межотраслевых балансов 1975, 1980, 1985 гг. (табл. 1).

Согласно расчетам за 1975, 1980, 1985 гг. в СССР по всем отраслям материального производства доля живого труда колеблется вокруг показателя в 60%, а прямые затраты овеществленного труда – в 40%. Однако в данных межотраслевого баланса мы видим в промышленности явное преобладание прямых затрат овеществленного труда над затратами живого труда [Основные..., 1987. С. 21].

Приведенные данные о соотношении факторов труда и капитала пока не позволяют дать окончательной оценки уровня и завершенности процессов капитализации в СССР. Ясно, что роль капитала с 1960-х гг. была очень высокой, роль живого труда как фактора постепенно сокращалась. Серьезных дальнейших изысканий заслуживает изучение методики составления такого рода расчетов, сравнение с удельными весами ручного и механизированного труда в производстве, данными об амортизации капитала и т.д.

На последнем сюжете остановимся несколько подробнее, так как уровень амортизации основных капиталов является важным показателем доли капитала, перенесенной в стоимость создаваемого продукта⁵. Уровень нормы амортизации в СССР исчислялся согласно принятой законом величиной. Эта величина зависела от темпов технического прогресса, возможностей выпуска новой техники и т.д. В СССР нормы амортизации пере-

⁵ Под амортизацией понимается постепенное перенесение стоимости основных фондов в процессе их эксплуатации на стоимость готовой продукции.

Таблица 1

Удельный вес живого и овеществленного труда в совокупных затратах труда за 1975–1985 гг. по данным межотраслевого баланса затрат труда СССР* (в % к итогу совокупных затрат труда)

В отраслях материального производства	1975		1980		1985	
	затраты живого труда	затраты овеществленного труда (прямые)	затраты живого труда	затраты овеществленного труда (прямые)	затраты живого труда	затраты овеществленного труда (прямые)
Всего	59,9	40,1	60,3	39,7	60,4	39,6
в том числе в: промышленности	43,1	56,9	45,0	55,0	45,0	55,0
из нее в:						
электроэнергетике	49,1	50,9	48,3	51,7	48,9	51,1
нефтегазовой промышленности	13,9	86,1	13,0	87,0	11,8	88,2
угольной промышленности	50,8	49,2	52,2	47,5	53,8	46,2
черной металлургии	40,8	59,2	41,2	58,8	41,5	58,5
цветной металлургии	44,8	55,2	47,7	52,3	47,5	52,5
химической и нефтехимической промышленности	47,8	52,2	47,1	52,9	45,5	54,5
машиностроения и металлообработки	66,2	33,8	65,4	34,6	66,1	33,9
лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности	56,9	43,1	58,3	41,7	58,7	41,3
промышленности строительных материалов (включая стекольную и фарфоро-фаянсовую промышленность)	53,6	46,4	53,1	46,9	53,8	46,2
легкой промышленности	44,3	55,7	45,5	54,5	45,6	54,4
пищевой промышленности	13,5	86,5	15,4	84,3	15,4	84,6
Строительстве	77,4	22,6	79,3	20,7	79,7	20,3
Сельском и лесном хозяйстве	73,9	26,1	72,1	27,9	72,4	27,6
Транспорте и связи	82,8	17,2	82,6	17,4	82,5	17,5

*Расчет межотраслевых балансов затрат труда произведен на основе показателей отчетных межотраслевых балансов производства и распределения продукции в фактически действовавших ценах соответствующих лет.

Источник: Основные показатели баланса народного хозяйства: Стат. сборник. М., 1987. С. 21.

смагивались в 1923, 1930, 1938, 1949, 1951, 1955, 1963, 1975 гг. До 1963 г. установленные нормы амортизационных исчислений были низкими, в пределах 5% стоимости основных фондов. С 1963 г. средняя норма амортизации была увеличена на 24%. Таким образом, нормы 1963 г. значительно ускорили оборот капиталов [Соколов, 2008].

Из данных табл. 2 видно, что величина амортизационных отчислений в 1965–1985 гг. возросла в почти в 5 раз. Особенно серьезно выросли амортизационные отчисления государственных предприятий, основное место среди которых занимали промышленные предприятия – в 1960–1985 гг. – в 11 раз. В целом государственные предприятия давали почти 90% всех амортизационных отчислений, что говорит об их ведущей роли в реализации такого фактора производства, как капитал. Колхозы увеличили уровень амортизационных отчислений в 1960–1985 гг. в 10 раз, однако их доля в общей сумме переносимого в стоимость нового продукта капитала была невысокой. И, наконец, личные приусадебные хозяйства оставались стабильными в своей скромной доле амортизационных отчислений, что вполне оправданно их рутинной экономикой, близкой к традиционному способу ведения хозяйства крестьянского двора.

Таблица 2

Амортизационные отчисления в 1960–1985 гг. в СССР (в ценах периодов между переоценками, млрд руб.)

Годы	Амортизационные отчисления				
	всего	в том числе			
		госпредприятий и центросоюза	из них (госпредприятий) совхозов	колхозов и межхозяйственных организаций	ЛПХ
1960	н.св.	8,8	0,7	1,3	н.св.
1965	22,46	18,03	2,0	2,43	2,0
1970	33,2	27,8	3,0	3,3	2,1
1975	55,2	47,8	5,4	5,4	2,0
1980	78,5	69,5	8,1	7,0	2,0
1985	110,64	98,04	11,8	10,2	2,4

Составлено по: Экономическая эффективность общественного производства (Статист. материалы для расчетов). М., 1988. С. 41–42.

Еще одной важной частью институциональных изменений, связанных с трансформацией экономического типа общества, является роль науки как производственной силы. Уже в советское время было признано, что наука являлась производительной силой и мощным стимулом материального производства. По сути дела, расходы на науку приравнивались к инвестициям в производство.

Из данных табл. 3 видно, что по среднегодовым темпам прироста в 1960-е гг. наиболее быстрорастущим ресурсом, формирующим национальный доход, были накопленные затраты на науку. За десятилетие они выросли более чем в 4,5 раза, тогда как рост других ресурсов не выходил за рамки 2,5 раз. В то же время следует обратить внимание на то, что коэффициент использования совокупности всех ресурсов был невысок и не увеличился за 1961–1970 гг.

Разумеется, тип хозяйственного устройства характеризуется не только соотношением факторов производства. Определяющими его являются также другие экономические параметры: методы регулирования, формы товарности, механизмы мобилизации рабочей силы и т.п. Государственный капитализм в России серьезно отличался от классического варианта капитализма. Это проявлялось и в процессах первоначального накопления,

Таблица 3

Сводный показатель использования ресурсов в СССР в 1961–1970 гг.*

Ресурсы СССР	Среднегодовой темп прироста, в %		Темп роста за весь период (1970 г. в % к 1960 г.)
	1961–1965 гг.	1966–1970 гг.	
Занятые работники	2,0	1,1	116,8
Воспроизводимые основные фонды	9,9	8,2	238,2
Оборотные фонды	8,6	10,4	248,4
Геологоразведочные работы (накопленные затраты)	11,2	8,5	256,0
Наука (накопленные затраты)	17,2	15,9	463,3
Все ресурсы	7,4	6,9	199,0
Национальный доход	6,5	7,7	199,0
Использование ресурсов	-0,7	0,9	100,0

*В таблице приведено сопоставление среднегодового темпа прироста в 1961–1970 гг. совокупности ресурсов материального производства и национального дохода.

Источник: Критерии и показатели экономической эффективности общественного производства при развитии социализме: Сводный докл. / Институт экономики АН СССР. М., 1973. С. 66–67.

и в финансовой системе, и в специфических проявлениях товарности, часто «нерыночного» плана. В современном общественном мнении превалирует мнение о «недостаточности» института рынка, отсутствии товарно-рыночных механизмов в экономике СССР (кроме периода нэпа) и о том, что это, в конечном итоге, привело к кризису в социально-экономическом развитии страны. Много копий было сломано вокруг рассмотрения характера планирования экономического развития в СССР, иногда данный способ связывался с трактовкой его как несовместимого с рыночными механизмами.

Однако данные представления являются не только неверными, но и политически ангажированными. В крупной индустриальной экономике, которой являлся Советский Союз, невозможно было существование замкнутых, натуральных подсистем. Через разные схемы была сформирована товарность труда, капиталов и товаров. Однако советская товарность была крайне специфична, строилась на использовании в определенное время системы внеэкономической эксплуатации (повинностей) и механизмов принудительной товарности. Вместе с тем в советской экономике функционировали и чисто рыночные механизмы в виде колхозной базарной торговли и теневого сектора.

Становление института товарности в советской экономике требовало, прежде всего, формирования устойчивых механизмов движения средств производства, рабочей силы и продукта труда. Особую сложность в этом процессе представляла сельская экономика, сохранявшая почти до середины XX в. большие пласты натурального хозяйствования. В связи с невозможностью обеспечить адекватный встречный товарный поток в деревню 1930–1950-х гг., важнейшую роль играла повинностная система, охватывавшая колхозный и индивидуальный уклады. Совхозы же сразу устраивались как фабрики в смысле предназначения производимого продукта. Многоканальность изъятия продукта (через госпоставки, натуроплату МТС, госзакупки, контрактацию) отражала особенности взаимоотношений с колхозами и крестьянскими дворами. Госпоставки представляются символом уникального колхозного механизма российского капиталистического переустройства. Особым каналом мобилизации аграрного продукта при недостатке технически организованного капитала и концентрации его в отдельной структуре была натуроплата за работу МТС.

Большая степень свободы распоряжения продуктом и более высокая окупаемость объективно явились методом отработки нового механизма товарности продукции сельского хозяйства. Этот механизм формируется в конце 1950-х гг. и связан с переходом к госзакупкам по ценам, превышавшим себестоимость. Это было важнейшим признаком товарной капитализации, несмотря на ее огосударствленность в виде плановости, регламентации цен и т.п. В целом товарным сельское хозяйство СССР становится в 1960-е гг., когда, судя по статистическим данным, из всех отраслей сельского хозяйства (во всех категориях хозяйств) отчуждается более половины сельхозпродукции. К началу 1980-х гг. доля отчуждаемой продукции в сельском хозяйстве СССР составляла уже 62% [Емельянов, 1982. С. 355].

Рынок рабочей силы был неразрывно связан с ее покупкой-продажей. В промышленности данный механизм существовал еще с позапрошлого столетия. В сельском же хозяйстве России становление рынка рабочей силы прошло несколько этапов. На первом этапе, в начале 1930-х гг., заработной платой были охвачены только рабочие совхозов. Второй этап связан с проникновением элементов заработной платы в колхозы. Этот период длился с середины 1930-х – до середины 1950-х гг. Частично рыночные механизмы покупки рабочей силы действовали в отношении председателей колхозов, колхозных счетоводов, представителей класса сельскохозяйственных интеллектуалов (агрономов, зоотехников, инженеров и др.), трактористов. Завершающими этапами становления рынка рабочей силы в сельском хозяйстве стали вторая половина 1950-х – 1960-е гг. С 1956 г. было введено ежемесячное авансирование колхозников, а с 1966 г. вводилась гарантированная оплата труда колхозников [Безнин, Димони, 2015. С. 139–165].

В ходе становления рынка рабочей силы происходило выравнивание цены на рабочую силу в промышленности и сельском хозяйстве.

Таблица 4

Среднемесячная денежная заработная плата в промышленности, совхозах и колхозах РСФСР в 1940–1985 гг. (руб.)

	1940	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985
В промышленности	35,5	71,9	79,5	92,1	104,3	136,0	167,9	191,3	217,9
В совхозах	24,2*	41,0*	47,7*	54,6*	76,0	103	135	157	202
В колхозах**	11,7***	16,6***	25***	28,3***	50	78	100	104	153,4***

* В том числе подсобные сельскохозяйственные предприятия.

** Среднемесячная оплата труда в общественном хозяйстве.

*** Данные по СССР.

Составлено по: РСФСР за 50 лет: Стат. сборник. М., 1967. С. 144; Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. С. 235.

Как видно из данных табл. 4, отставание денежной оплаты труда в колхозах от совхозного уровня в 1940 г. составляло 2 раза и от уровня оплаты труда в промышленности 3 раза, в 1965 г. – уже 1,5 раза и 2 раза, а в 1985 г. денежная оплата труда в колхозах РСФСР отставала от совхозной лишь в 1,3 раза, а от промышленной – в 1,4 раза. Следовательно, оплата труда в разных укладах все больше сближалась с классической заработной платой как основным источником дохода рабочего по найму, ценой рабочей силы, соответствующей стоимости предметов потребления и услуг, которые обеспечивают воспроизводство рабочей силы.

Параллельно со становлением рынка товаров и рынка рабочей силы шло становление рынка капиталов. Под рынком капиталов понимают часть финансового рынка, на котором обращаются длинные деньги (т.е. денежные средства со сроком обращения более

года). Главная цель рынка капиталов – инвестиция свободных средств в доходные финансовые активы. В СССР основной формой обращения финансовых ресурсов были банковские ссуды (кредитные займы).

Становление рынка капиталов в России заняло довольно долгий период. Как известно, в декабре 1917 г. банковское дело декретом ВЦИК было объявлено государственной монополией, все коммерческие кредитные учреждения были национализированы и объединены с Государственным банком. До конца 1921 г. он был единственным кредитным учреждением в стране. В 1922–1930 гг. в стране стали возникать кредитные кооперативы, шло становление акционерных банков, формирование отраслевой банковской структуры. Завершение нэпа было ознаменовано кредитной реформой 1930–1932 гг., в ходе которой была создана система планового кредитования и расчетов в народном хозяйстве. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 мая 1932 г. финансирование и *долгосрочное кредитование* капиталовложений во все отрасли народного хозяйства возлагалось на четыре специальных банка. При этом взаимный коммерческий кредит был ликвидирован, а операции по прямому краткосрочному кредитованию стали осуществляться в Госбанке, который стал единым кассовым, расчетным и кредитным центром страны. В ограниченных размерах кредитно-расчетные функции по внешнеторговым операциям выполнял также Внешторгбанк. Для финансирования сельского хозяйства был создан Сельхозбанк. В его задачи входило «финансирование в порядке безвозвратных вложений и долгосрочных ссуд всех видов капитальных затрат предприятий и организаций государственного сектора сельского хозяйства, Трактороцентра и колхозной системы» [Решения партии..., 1967. Т. 2. С. 385–388]. После реорганизации в 1959 г. системы банков долгосрочных вложений [Решения партии..., 1968. Т. 4. С. 567] функции долгосрочного кредитования колхозов перешли к Госбанку СССР (табл. 5).

Таблица 5
Госбанк в кредитной системе СССР

Дата	Сеть кредитных учреждений, ед.*			Кредитные вложения в народное хозяйство СССР (задолженность), млн руб.			Доля Госбанка в краткосрочных кредитных вложениях, %
	всего	в том числе Госбанк	доля Госбанка, %	всего	в том числе Госбанк	доля Госбанка, %	
1.10.1926	1 815	488	27	3 158**	1 517**	48	57
1.01.1933	2 975	2 198	74	1 839	1 197	65	97
1.01.1941	4 831	3 949	82	6 428	5 848	91	99
1.01.1951	6 040	4 915	81	19 315	17 285	89	94
1.01.1961	4 701	4 214	90	46 558	44 147	95	96
1.01.1971	5 219	4 135	79	126 234	112 599	89	92
1.01.1981	6 276	4 429	71	342 464	274 909	80	85
1.01.1991	5 811***	235***	4	364 400	376	0,1	1,3

* Включая управляющие офисы без ломбардов, всех видов приписных, районных расчетных касс и пунктов уполномоченных при учреждениях Госбанка, а также без сети сберегательных касс (с 1988 г. – Сбербанка СССР).

** В масштабе цен тех лет.

*** На 1.01.1990 (по данным отчета Госбанка за 1989 г.).

Источник: По страницам архивных фондов Центрального Банка Российской Федерации. Вып. 9. Балансы Государственного Банка СССР (1922–1990). М., 2010. С. 9.

Как видно из данных табл. 5, качественные изменения в кредитной системе постепенно происходили. Росла сеть кредитных учреждений, с начала 1970-х гг. все меньшую долю в их числе занимал Госбанк. Важнейшим показателем роста рынка капиталов было увеличение инвестиций в народное хозяйство, особенно заметное с 1960-х гг.

Важное значение в понимании становления рынка капиталов имеет также соотношение между долгосрочным и краткосрочным кредитованием. Долгосрочный ссудный капитал, как правило, использовался на пополнение и развитие основных фондов, краткосрочные ссуды – на пополнение оборотных средств.

Рассмотрим, какова была динамика проникновения в народное хозяйство банковского ссудного капитала (табл. 6).

Таблица 6

Кредитование банками СССР народного хозяйства и населения в 1940–1989 гг. (остатки ссуд на конец года, млрд руб.)

	1940	1965	1970	1975	1980	1985	1989
Краткосрочные ссуды	5,6	66,7	104,7	160,7	261,4	426,4	287,1
Долгосрочные ссуды	0,8	7,3	21,5	43,3	81,1	94,9	104,0

Составлено по: Народное хозяйство СССР за 60 лет: Юбилейный стат. сборник. М., 1977. С. 656; Народное хозяйство СССР в 1989 г.: Стат. ежегодник. М., 1990. С. 627.

Особенностями рынка капиталов в СССР были две яркие черты. Первая – связана с преобладанием краткосрочных ссуд над долгосрочными вложениями, что говорит о незрелости кредитных отношений. Однако нельзя не заметить, что долгосрочные ссуды имели тенденцию к нарастанию величин. Вторая черта связана с серьезным увеличением кредитов только в 1960–1970-е и последующие годы. В целом институт рынка капиталов в СССР нуждается в дальнейшем серьезном и глубоком исследовании.

Таким образом, институциональные особенности российского государственного капитализма во многом обуславливались тем, что идеологи теории институциональных изменений назвали «путь зависимости». Начав модернизационные преобразования в аграрной стране, большевики во многом вынужденно использовали механизмы первоначального накопления, напоминающие «феодалные», повинностные методы эксплуатации. Однако использовались эти механизмы для таких важнейших трансформаций, как увеличение роли капитала в экономике страны, становление рынков, формирование новых классов и отношений собственности. Как только фактор капитала стал достаточно объемным, что произошло в 1960-е гг., все институты экономики и общества стали стремительно меняться. Консолидировался класс протобуржуазии, протобуржуазные тенденции проникали в другие слои и классы общества, свободнее и многограннее становились отношения собственности. К 1960-м гг. относится и близкое к классическим проявление рыночных институтов в советской экономике, когда труд, капиталы и продукция приобретали черты адекватной купли-продажи. Вместе с тем уровень развития государственного капитализма, его особенности в советской России так пока и остается малоизученным историками сюжетом, на котором, хотелось бы верить, все чаще будет останавливаться интерес исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Авторханов А.Г. (1976). Технология власти. Frankfurt a M.: Посев.
- Баланс затрат труда, межотраслевой (1997). // Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилиян. М.: Институт новой экономики. С. 324.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2011). Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х гг. // Социс. № 11. С. 90–102.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2015). Реформы механизма эксплуатации сельскохозяйственных трудовых ресурсов в 1930–1980-е годы // Экономическое развитие и практика реформ: Сб. статей (2015). М.: Институт экономики РАН. С. 139–165
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2016). Госкапитализм, социальные классы, культурный ландшафт советской деревни сталинского и послесталинского времени // The Soviet and Post-soviet review. № 43. С. 301–337.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2016). Источниковые возможности балансов народного хозяйства в контексте изучения социально-экономической истории СССР (пилотное исследование) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки. № 1/16. С. 6–11.
- Безнин М.А., Димони Т.М. (2002). Повинности российских колхозников в 1930–1960-е годы // Отечественная история. № 2. С. 96–111.
- Венедиктов А.В. (1948). Государственная социалистическая собственность. М.: Издат. АН СССР.
- Восленский М.С. (2005). Номенклатура: (Анатомия советского правящего класса). М.: Изд-во «Захаров».
- Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука.
- Джилас М. (1958). Новый класс: (Анализ комм. системы). New York: Praeger.
- Емельянов А.М. (1982). Экономика сельского хозяйства. М.: Экономика.
- Закон Верховного Совета СССР от 31 марта 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (1968) // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М.: Политиздат.
- Леонтьев В. (1925). Баланс народного хозяйства СССР // Плановое хозяйство. № 12. С. 254–258.
- Основные показатели баланса народного хозяйства (1987): Стат. сборник: М.: б/и.
- Полтерович В. М. (1993) Экономическая реформа 1992 г.: битва правительства с трудовыми коллективами // Экономика и математические методы. Т. 29. Вып.4. С. 533–547.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967) (1967). Т. 2. М.: Политиздат.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967) (1968). Т. 3. М.: Политиздат.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967) (1968). Т. 4. М.: Политиздат.
- Сборник законодательных актов о земле (1962). М.: Госюриздат.
- Себестоимость промышленной продукции (1970). М.: б/и.
- Сельское хозяйство СССР: Стат. сборник (1971). М.: Статистика.
- Соколов М.М. (2008). Изменения в амортизационной политике как особая форма налогового воздействия на развитие экономики // Все о налогах. № 3. С. 23–44.
- Троцкий Л.Д. (1991). Преданная революция. М.: НИИ культуры.
- Уровень и состав затрат на производство валовой продукции колхозов и совхозов и продуктов растениеводства совхозов за 1966–1980 г. (1983). М.: б/и.
- Уровень и структура себестоимости сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов (1975). М.: б/и.
- Хозрасчет и цены в социалистическом сельском хозяйстве (1969). М.: Институт экономики.
- 740 вопросов и ответов по колхозному законодательству (1961) / Отв. ред. Ф.Г. Иваницкий. М.: Госюриздат.
- Huntington S.P. Political Order in Changing Societies (1968). New Haven and London: Yale University Press.
- Moore B. Jr. (1966). Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston: Beacon Press.
- Pierson P., Skocpol T. (2002). Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline. Katznelson I., Milner H. (eds). New York: Norton.
- Skocpol T. (1979). States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Tilly Ch. (1984). Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons. New York: Russell Sage Foundation.
- Turner J. (1997). The institutional order: economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective. New York: Longman.
- Wittfogel K. (1957). Oriental despotism: a comparative study of total power. New Haven: Yale University Press.

Безнин Михаил Алексеевич

beznin@uni-vologda.ac.ru

Димони Татьяна Михайловна

dimonitm@yandex.ru

Michail Beznin

Doctor habilitatus of history, professor, vice-rector of the Vologda State University, head of department of Russian history

beznin@uni-vologda.ac.ru

Tatiana Dimoni

Doctor habilitatus of history, associate professor, professor of the Department of Russian history of the Vologda State University

dimonitm@yandex.ru

THE INSTITUTIONAL FEATURES OF RUSSIAN CAPITALISM: FROM STALIN TO BREZHNEV

Abstract. The article from the point of view of institutional approach the evolution of the institutions of property, of merchantability, classes, etc. in Russia, 1930-1980-ies In relation to the institution of property is undertaken in the article the description of its functioning in the framework of the split of ownership rights took shape in the Soviet period. The Institute of marketability is considered from the position of its work in the framework of forced product tovarization, especially in the rural economy. The class structure of society in the Soviet period, as the authors believe, has evolved towards class pluralism and differentiation of class interests. The main source base for the consideration of the transformation of the institutions of society were legislative acts, statistical information, in particular, inter-sectoral balances. The authors come to the conclusion about the deep revolutionary transformation of economic and social institutions of Russia, which occurred at the turn of the 1950s-1960s. the Essence of this transformation is characterized in the article as the formation of the state-capitalist system, with its inherent features of the prevalence of capital among the factors of production, the formation of a new class system of society. The authors leave open questions about the completeness of the transformation of large institutions of society in the Soviet era, leaving the possibility of expanding the discussion on the described subjects.

Keywords: *Russia, Soviet period, social and economic institutions, property relations, state capitalism.*

JEL Classification: N01, N14, N50.

REFERENCES

- 740 voprosov i otvetov po kolhoznomu zakonodatel'stvu [740 questions and answers on collective farm legislation]. (1961) / *Otv. red. F.G. Ivanickij. M.: Gosyurizdat.*
- Avtorhanov A.G. (1976). Tekhnologiya vlasti [Technology of the power]. Frankfurt a M.: Posev.*
- Balans zatrat truda, mezhotraslevoj [The balance of labor costs, interindustry]. (1997) // Bol'shoj ekonomicheskij slovar' /Pod red. A.N. Azriliyan. M.: Institut novoj ekonomiki.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2011). Social'nye klassy v rossijskoj kolhozno-sovhoznoj derevne 1930–1980-h gg. [Social classes in the Russian collective-farm and state-farm village of the 1930–1980s] // Socis. № 11. Pp. 90–102.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2015). Reformy mekhanizma ekspluatatsii sel'skohozyajstvennyh trudovyh resursov v 1930–1980-e gody [Reforms of the mechanism for the exploitation of agricultural labor resources in the 1930s–1980s]. // Ekonomicheskoe razvitie i praktika reform: Sb. statej (2015). M.: Institut ekonomiki RAN. Pp. 139–165.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2016). Goskapitalizm, social'nye klassy, kul'turnyj landshaft sovetskoj derevni stalinskogo i poslestalinskogo vremeni [State capitalism, social classes, cultural landscape of the Soviet village of Stalin and post-Stalin times] // The Soviet and Post-soviet review. № 43. Pp. 301–337.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2016). Istochnikovyje vozmozhnosti balansov narodnogo hozyajstva v kontekste izucheniya social'no-ekonomicheskoy istorii SSSR (pilotnoe issledovanie) [Source opportunities of balances of the national economy in the context of studying the socio-economic history of the USSR (pilot study)] // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye, obshchestvennye i pedagogicheskie nauki. № 1/16. Pp. 6–11.*
- Beznin M.A., Dimoni T.M. (2002) Povinnosti rossijskih kolhoznikov v 1930–1960-e gody [The duties of Russian collective farmers in the 1930s–1960s] // Otechestvennaya istoriya. № 2. Pp. 96–111.*
- Venediktov A.V. (1948). Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost'. M.: Izdat. AN SSSR.*

- Danilov V.P.* (1977). *Sovetskaya dokolhoznoy derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, hozyajstvo* [Soviet pre-kolkhoz village: population, land tenure, economy]. M.: Nauka.
- Dzhilas M.* (1958) *Novyj klass : (Analiz komm. Sistemy)* [New class: (Analysis of comm. Systems)]. New York: Praeger.
- Emel'yanov A. M.* (1982). *Ekonomika sel'skogo hozyajstva* [Economics of Agriculture]. M.: Ekonomika.
- Hozraschet i ceny v socialisticheskom sel'skom hozyajstve* [Cost accounting and prices in socialist agriculture] (1969). M.: Institut ekonomiki.
- Huntington S.P.* (1968). *Political Order in Changing Societies*. New Haven and London: Yale University Press.
- Leont'ev V.* (1925). *Balans narodnogo hozyajstva SSSR* [Balance of the national economy of the USSR] // *Planovoe hozyajstvo*. № 12. Pp. 254–258.
- Moore B. Jr.* (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Osnovnye pokazateli balansa narodnogo hozyajstva* [The main indicators of the balance of the national economy]. (1987) *Statisticheskij sb.* M.: b/i.
- Pierson P., Skocpol T.* (2002). *Historical Institutionalism in Contemporary Political Science in Political Science: The State of the Discipline*. Katznelson I., Milner H. (eds). New York: Norton.
- Polterovich V.M.* (1993). *Ekonomicheskaya reforma 1992 g.: bitva pravitel'stva s trudovymi kolektivami* [Economic Reform 1992: The Government's Battle with Labor Collectives] // *Ekonomika i matematicheskie metody*. T. 29. Vyp.4. Pp. 533–547.
- Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967)* [The decisions of the party and the government on economic issues (1917–1967), vol.2] (1967). T. 2. M.: Politizdat.
- Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967)* [The decisions of the party and the government on economic issues (1917–1967), vol.3]. (1968). T.3. M.: Politizdat.
- Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam (1917–1967)* [The decisions of the party and the government on economic issues (1917–1967), vol.4]. (1968) T.4. M.: Politizdat.
- Sbornik zakonodatel'nyh aktov o zemle* [Collection of laws on land]. (1962). M.: Gosyurizdat.
- Sebestoimost' promyshlennoj produkcii* [The cost of industrial products] (1970). M.: 1970. b/i.
- Sel'skoe hozyajstvo SSSR: Stat. sbornik* [Agriculture of the USSR: stat. collection]. (1971). M.: Statistika.
- Skocpol T.* (1979). *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge, England: Cambridge University Press.
- Sokolov M.M.* (2008). *Izmeneniya v amortizacionnoj politike kak osobaya forma nalogovogo vozdejstviya na razvitie ekonomiki* [Changes in depreciation policy as a special form of tax impact on the development of the economy] // *Vse o nalogah*. № 3. S. 23–44.
- Tilly Ch.* (1984). *Big Structures, Large Processes, Huge Comparisons* New York: Russell Sage Foundation.
- Trotsky L.D.* (1991). *Predannaya revolyuciya* [A committed revolution]. M.: NII kul'tury.
- Turner J.* (1997). *The institutional order: economy, kinship, religion, polity, law, and education in evolutionary and comparative perspective*. New York: Longman.
- Uroven' i sostav zatrat na proizvodstvo valovoj produkcii kolhozov i sovhozov i produktov rastenievodstva sovhozov za 1966–1980 g.* [The level and composition of the cost of the production of gross output of collective and state farms and crop products of state farms for 1966–1980] (1983). M.: b/i.
- Uroven' i struktura sebestoimosti sel'skohozyajstvennoj produkcii kolhozov i sovhozov* [The level and structure of the cost of agricultural products of collective and state farms]. (1975). M.: b/i.
- Venediktov A.V.* (1948). *Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost'* [State socialist property]. M.: Izdat. AN SSSR.
- Voslenskij M.S.* (2005). *Nomenklatura: (Anatomiya sovetskogo pravyashchego klassa)* [Nomenclature: (Anatomy of the Soviet governing class)]. M.: Zaharov.
- Wittfogel K.* (1957). *Oriental despotism: a comparative study of total power*. New Haven: Yale University Press.
- Zakon Verhovnogo Soveta SSSR ot 31 marta 1958 g. «O dal'nejshem razvitii kolhoznogo stroya i reorganizacii mashinno-traktornyh stancij»* [The law of the Supreme Soviet of the USSR dated March 31, 1958 «On the further development of the collective farm system and the reorganization of the machine and tractor stations»]. (1968) // *Resheniya partii i pravitel'stva po hozyajstvennym voprosam*. T. 3. M.: Politizdat.